
Ю. Э. КУЛЬПИНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТЯСЕНИЯ И АНТИКУЛЬТУРА

(Истоки пьянства. Социально-культурологический анализ)

В России пьянство и алкоголизм принято считать не только медицинской, но и острой социальной, психологической и юридической проблемой, имеющей глубокие исторические корни. Проблемой, которая в общественном сознании признается изначально присущей народу и едва ли не одной из национальных традиций. Тем не менее в отечественной историографии этому вопросу было отведено довольно скромное место.

Первое обстоятельное исследование пьянства в России принадлежит И. Г. Прыжову (1827–1885), русскому историку, этнографу и публицисту. Он оставил большое научное наследие, и особую известность у современников получила его книга «История кабаков в России в связи с историей русского народа», изданная в Москве в 1868 г. При этом из трех написанных автором томов был напечатан только один, а два других Прыжов сжег, объяснив это тем, что «печатать теперь такую книгу – значит донести на народ, значит отнять у него последний приют, куда он приходит с горя...»¹.

В своей работе Прыжов опирается на сведения, почерпнутые из отечественных и зарубежных источников, на сочинения историков, а также на собственные непосредственные исследования кабацкой жизни.

Существенный интерес представляет также работа В. В. Похлёбкина «История водки», написанная в 1979 г. по заказу В/О «Союзплодоимпорт», поставленного США перед необходимостью отстаивать свое преимущественное право использовать наименование «водка» и определить фиксированную первоначальную дату

¹ Прыжов, И. Г. Очерки. Статьи, письма. – М. – Л., 1934.

изобретения и производства водки, как это принято на Западе относительно других крепких напитков (1334 г. – коньяк, 1485 г. – английские джин и виски, 1490–1494 гг. – шотландское виски, 1520–1522 гг. – немецкий брантвайн – шнапс). Согласно В. В. Похлёбкину, русская водка была изобретена в 1505–1510 гг.

Другим очевидным информационным источником по данной теме являются впечатляющие своей яркостью и выразительностью описания русского пьянства иностранцами, присутствующие почти в каждом из их сочинений о России начиная с XVI в. (это произведения Ричарда Ченслера, Джильса Флетчера, Николаса Витсена, Адама Олеария). Так, начиная с Ричарда Ченслера, из сочинения в сочинение на протяжении столетий сохранялись, повторялись с незначительными отличиями одни и те же устойчивые штампы стороннего наблюдательного взгляда, с присущими ему очевидными достоинствами и недостатками. Это порой гипертрофированный, отчасти поверхностный взгляд на быт российских горожан, не лишенный, однако, ценных деталей.

В качестве еще одного источника для изучения заявленной темы могут стать фольклорные данные – народные пословицы и поговорки, иллюстрирующие представления народа и его отношение к данной проблеме.

При исследовании пьянства в русской культуре неизбежна постановка двух вопросов: всегда ли это явление было характерно и массово для русского народа? В чем были причины массового пьянства?

Для составления объективного исследования источников неизбежен критический пересмотр существующих стереотипов, легенд и мифов, потому выбранные источники необходимо рассматривать в совокупности.

По мнению Похлёбкина, до XV в. на Руси употреблялись следующие алкогольные напитки: привезенные из Византии и стран Средиземноморья в готовом виде (виноградное вино, преимущественно красное); получаемые путем естественного сбраживания мест-ных продуктов природы (березового сока, меда, сока ягод) без дополнительного приготовления – без добавления дрожжей, варки и т. п.; получаемые путем искусственного сбраживания зерновых продуктов (ржи, ячменя, овса) после варки (кипячения) сула с до-

бавлением трав (хмеля, зверобоя, полыни); получаемые путем искусственного сбраживания меда или путем комбинации искусственно сброженного меда с продуктами искусственно сброженного зерна; получаемые путем возгонки сброженных зерновых продуктов.

Из перечисленных напитков крепкими являлись только те, что готовились путем сбраживания меда и возгонки. Крепость этих алкогольных напитков была довольно высокой, а опьяняющее воздействие – сильным, поскольку медовое сусло было чрезвычайно богато сахаром, потому напиток оказывался богатым спиртом (в поговорах, которые находим у Даля, это различие крепости напитков косвенно также уловимо: *Терпи горе – пей мед. Отвага мед пьет и кандалы трет*).

Говорить о развитии производства алкогольных напитков из иных полуфабрикатов, нежели мед (то есть из зерна злаковых растений), можно только со второй половины XI в. Это производство родилось как побочная и случайная ветвь хлебопечения и было тесно связано с разделением церкви на православную и католическую (то есть с применением либо пресного, либо дрожжевого, «квасного», хлеба для причастия).

Как известно, аквавита, изобретенная алхимиками Прованса в 1333–1334 гг., была завезена в Россию в 1386 г. генуэзцами. Этот напиток был признан чрезвычайно крепким и возможным для употребления лишь в лекарственных целях, исключительно разбавленным водой. По мнению Похлёбкина, вполне вероятно, что традиция разводить винный спирт водой и дала с этого времени начало русской модификации водки, хотя, возможно, был и другой путь – производство водки на основе новых технологий (отчасти из медоварения), сформировавшихся к XIII–XIV вв.

Для Прыжова отсутствие крепких напитков до XV в. служит доказательством невозможности пьянства как массового явления.

Патриархальный уклад жизни в старой Руси с появлением водки уже был направлен на сдерживание распространения пьянства. Свод житейских наставлений XVI в. «Домострой» давал четкие наставления в отношении алкоголя: «Пей, да не упивайся. Пейте мало вина веселия ради, а не для пьянства: пьяницы царства Божия не наследуют. А у жены решительно никоим образом хмельного

питья бы не было: ни вина, ни меда, ни пива. А пила бы жена бесхмельную брагу и квас – и дома, и на людях».

Это обстоятельство особенно важно в связи с тем, что конец XIV – начало XV в. представляет собой переломный период для России в государственном, политическом, экономическом и производственно-техническом отношениях.

Исторические исследования свидетельствуют, что во второй половине XV в. Русь переживает экономический, политический и моральный подъем². Идет процесс интенсивного распаивания лесной целины, экономический и демографический рост, создается государство на базе Московского княжества, происходит освобождение от двухсотлетнего татаро-монгольского ига. Лишь в конце века экономический рост начинает тормозиться дефицитом природных ресурсов, что находит свое выражение в массовых тяжбах за землю, первым появлением на Руси безземельных крестьян – бобылей и холопов на пашне³; преобладающий тип крестьянина (по В. О. Ключевскому) – вольный и переходный арендатор чужой земли. «Ножницы» растущего населения и ограниченности пашни привязывают крестьянина к земле сильнее крепостной зависимости. Налогом облагается земля, а не те, кто ею владеет или обрабатывает⁴.

В это время дважды (в 1517, 1526 гг.) Московское государство посещает и описывает Сигизмунд Герберштейн. В своей книге он характеризует состояние природы и жизнь народа. С точки зрения экологии его замечания о состоянии великокняжеского домена свидетельствуют о наихудшем положении. Вся естественная флора и фауна уничтожены: «По пням больших деревьев, которые существуют даже и ныне, можно заключить, что *вся эта область не так давно была очень лесиста. Хотя старательным трудом земледельцев она довольно обработана, однако за исключением того, что*

² Работ, посвященных второй половине XV в., немало, но среди них надо выделить исследование: Алексеев, Ю. Г. Государь Всея Руси. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.

³ Бобыль – крестьянин, который не может обзавестись семьей, потому что у него нет средств к существованию. Холоп на пашне – семейный крестьянин, у которого нет земли и который ради возможности работать и кормить семью продает себя в рабы.

⁴ Кульпин, Э. С. Путь России. – М.: Моск. лицей, 1995. – С. 101–123; Кульпин, Э. С., Клименко, В. В., Пантин, В. И., Смирнов, Л. М. Эволюция российской ментальности. – М.: ИАЦ-Энергия, 2005. – С. 25–34.

производят поля, все остальное привозится туда из окружающих областей. Ибо хотя она изобилует хлебом и обыкновенными овощами, однако во всей области нет сладких вишен и орехов, кроме лесных. У них есть и другие фруктовые деревья, но их плоды не вкусны. *Меду и диких зверей (исключая, однако, зайцев) в Московской области нет*⁵. Народ напряженно трудится, отдыхая в немногие праздники, владельцы земли выжимают из крестьян максимум. «В первое мое посольство, в этот же праздник, я видел более ста человек, работавших во рву Кремля, потому что праздники соблюдают обыкновенно только одни князья и бояре». *«Поселяне работают на своего господина шесть дней в неделю, седьмой же день предоставлен им на собственную работу. Они имеют несколько своих полей и лугов, которые дает им господин и от которых они кормятся. Впрочем, положение их самое жалкое, потому что их имущества подвержены грабежу благородных и воинов, у которых они называются крестьянами в презрительном смысле или черными людишками»*⁶ (курсив мой. – Ю. К.).

На улицах Москвы поддерживается строгий порядок: «Однако ж улицы в некоторых местах загораживаются бревнами, положенными поперек, и с самых сумерек оберегаются приставленными стражами, так что ночью никому нельзя пройти туда после установленного часа. Кто же будет взят сторожами после этого часа, тех бьют и обидают или сажают в темницу, если только это не будут люди известные и почтенные: тех обыкновенно стражи отводят домой»⁷.

Знать пьет, народ работает: «Знатные люди чтят праздники тем, что после обедни бражничают и надевают пышную одежду; простой народ, слуги и рабы большею частью работают, говоря, что праздновать и пользоваться досугом – дело господ. Горожане и ремесленники бывают у обедни, а после нее возвращаются к работе, думая, что честнее заниматься трудом, чем попусту терять достаток и время в пьянстве, игре и подобных вещах. Ибо простонародью и черни запрещено употребление пива и меда; однако им позволено

⁵ Герберштейн, С. Записки о московских делах // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев / пер. с англ. и нем. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 226.

⁶ Там же. – С. 205, 214.

⁷ Там же. – С. 226.

пить в некоторые торжественные дни, как-то: в Рождество Христово, в праздник Пасхи, в Пятидесятницу и некоторые другие; в эти дни они не работают – не из уважения к религии, а больше для пьянства»⁸.

Другой иностранец – Ричард Ченслер – приехал в Москву из Архангельска более чем через 30 лет, в 1553 г. За это время в стране произошла смена двух демографических поколений⁹. Он отмечает: «Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным»¹⁰. Отметим, что подобных хлебных поездов Герберштейн не заметил, то есть московская земля в его время еще могла кормиться собственным хлебом.

В самой Москве Ченслер отмечает то, что Герберштейн еще не видел: «Бедняков здесь неисчислимое количество, и живут они самым жалким образом». Ченслер ужасается размерами пьянства, принявшего, видимо, всенародный характер: «Однако я думаю, что ни в одной стране не бывает такого пьянства. ...Что касается разврата и пьянства, то нет в мире подобного»¹¹.

Именно с этого периода Московской Руси, по мнению Прыжова, начинается окончательный упадок русской народности. Это связывается им с ростом крепостничества, но самая главная причина упадка видится Прыжову в появлении кабаков, одновременно с которыми появляется и откуп (слово «кабак» в письменных источниках впервые появляется в 1563 г. – эту дату называет этимологический словарь Фасмера). Спутником кабака становится разорение населения (подобного же мнения придерживается и такой видный

⁸ Герберштейн, С. Записки о московитских делах. – С. 194.

⁹ Представления людей о мире и о себе людей, как известно, меняются со сменой поколений. Смена демографических циклов исчисляется по разнице лет между рождением матери и ее первой дочери или между рождением отца и его первенца сына. В средневековье она составляла примерно 17 лет.

¹⁰ Ченслер, Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев / пер. с англ. и нем. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 442.

¹¹ Там же. – С. 452, 454.

представитель демократического направления в русской историографии, как И. Худяков, описавший проблему народного пьянства в труде «Древняя Русь»).

Итак, пьянство, по мнению Прыжова, стало утверждаться в народной жизни после открытия Иваном Грозным царевых кабаков¹² и было следствием целенаправленных действий государства по спаиванию народа: «...было насильственно навязано россиянам сверху и лишь затем расширенно воспроизводилось. Это происходило как в силу мощной системы “окабачивания” населения, так, для части последующих поколений, и в силу тяжелых социальных условий (пили “с горя”), и в силу появившихся обычаев, имевших не столь уж давние корни»¹³. Однако как И. Г. Прыжов, так и А. Л. Афанасьев¹⁴ – современный исследователь, разделяющий принципиальные положения Прыжова, – о *тяжелых социальных условиях* и *появившихся обычаях* практически ничего не пишут. В их понимании все беды России сводятся к бремени империи. А. Л. Афанасьев пишет: «Чем объясняется то, что при Иване III и Василии III проводились серьезные меры по ограничению употребления спиртного, а с Ивана IV было начато спаивание населения? ...Причины болезни общества обычно коренятся в самом обществе, а внешние влияния могут лишь усугублять ее течение. В данном случае введение кабаков явилось следствием превращения при Иване IV Московской Руси в государство-империю. ...Империя как

¹² Прыжов подчеркивал, что *искусственный* (получаемый путем *перегонки*) крепкий алкоголь – водка – был впервые открыт арабским медиком и химиком Разесом (ар-Рази), родившимся в 860 г. «В XIII веке водка является в Европе и до XVI века употребляется как лекарство или эссенция и продается по аптекам. Как напиток она становится известной на Руси также только с XVI в.». До того «русские употребляли *слабоградусные* напитки: брагу, мед, пиво, квас (крепостью от 1 до 6 градусов – процентов спирта), опьянение от которых несильно и действует сравнительно непродолжительное время». Положение изменилось начиная примерно с 1552 г., когда Иван IV, возвратившись после взятия Казани, завел царский кабак в Москве. Этот кабак, писал Прыжов, «полюбился царю, и из Москвы начали предписывать наместникам областей прекращать везде свободную торговлю питьями, то есть корчму, корчемство, и заводить царевы кабаки, то есть места продажи напитков» (Афанасьев, А. Л. Иван Прыжов: история пьянства и трезвости в России // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 3. – С. 87, 88). Подтверждение причастности государства к спаиванию народа можно найти и у Н. Витсена: «Содержать трактиры или пивные здесь считается позором для знатных, они все относятся к казне царя» (Витсен, Н. *Путешествие в Московию, 1664–1665*. – СПб.: Симпозиум, 1996. – С. 60).

¹³ Афанасьев, А. Л. Указ. соч. – С. 92.

¹⁴ Там же. – С. 85–93.

бы медленно пожирает народ, на теле которого первоначально возникла. Главной причиной возникновения и дальнейшего развития государства-империи в России, как и в некоторых других странах (Древний Рим, Византия), был быстрый рост размеров страны. Присоединение (часто – завоевание) и необходимость удержания, освоения (“переваривания”) земель, населенных другими народами, требовали от правящих классов имперской политики. ...Империя нуждалась в средствах и, ничем не гнушаясь, черпала их отовсюду, в том числе и за счет расширения сети кабаков. Примечательно, что среди преемников Грозного в развитии кабацкого дела Прыжов особо выделял Петра I. ...Как и Иван IV, Петр получил печальную известность истощением народных сил. ...Уже в наше время третьим в ряду *великих кабатчиков* стал И. Сталин. ...Итак, выкачивание с помощью водочного “насоса” средств из народа и соответственно его спаивание явились необходимым условием для содержания мощной армии, строительства и дальнейшего существования в России государства-империи»¹⁵. Кажется бы, постулаты Прыжова и вторящего ему Афанасьева не требуют доказательства, они очевидны. Но только на первый взгляд. Конечно, войны за создание империи требовали от народа жертв, но жертвы компенсировались вовлечением в хозяйственный оборот новых природных ресурсов, за счет которых Россия жила и живет сегодня. Конечно, водочная монополия пополняла казну, но одновременно подрывала жизненные силы народа и этим снижала доходы казны. Рассмотрение экономических параметров жизни общества интересно и важно, но выходит за пределы данного культурологического исследования¹⁶.

Итак, вся аргументация Афанасьева, вслед за Прыжовым, сосредоточена на *окабачивании* государством народа ради нужд империи. Если согласиться с тем, что спаивание народа государством

¹⁵ Афанасьев, А. Л. Указ. соч. – С. 89–90.

¹⁶ Можно лишь констатировать, что на сегодняшний день не имеет однозначного ответа комплексная проблема: насколько новые природные ресурсы позволяли удовлетворять текущие нужды народов; насколько эффективно они использовались обществом и государством; насколько государство способствовало развитию торговли и экономики – основному источнику дохода государства – или развитию кабаков, подрывающих силу народа и экономику страны; всегда ли водочная монополия была основным источником дохода. Об этом см. исследования социоестественной истории России А. В. Антиповой, В. В. Клименко, Э. С. Кульпина.

действительно имело место, то есть это правда, то вся ли правда? Ведь для этого процесса – «спаивания народа» – необходимы были определенные предпосылки, предрасположенность людей. И нас интересует именно предрасположенность, то есть пьянство как культурный, а точнее, антикультурный феномен.

Народное отношение к пьянству было двойственным: от понимания и прощения до категорического осуждения, это можно наблюдать по пословицам и поговоркам.

Бесценным зеркалом народной жизни является «Толковый словарь живого русского языка» В. И. Даля. У В. И. Даля мы читаем: «народ наш не славится трезвостью»¹⁷. Однако пить, как известно, можно по-разному. Для начала отметим, что самостоятельного слова для самого крепкого спиртного напитка у Даля нет. О водке в словаре пишется немного, причем в статьях «Вода» и «Вино», где водка трактуется как синоним вина¹⁸.

Со своей стороны, Похлёбкин отмечает, что слово «водка» в значении спиртного напитка появляется в русском языке не раньше XIV и не позже середины XIX в., следовательно, оно возникло где-то между XIV и XIX вв., и только в словарях, изданных в конце XIX – начале XX в., слово «водка» встречается как самостоятельное, отдельное слово и уже в своем единственном современном значении – «крепкий спиртной напиток». В то же время в региональных (областных) словарях, отражающих не столько общерусский словарный фонд, сколько местные, областные говоры и диалекты, слово «водка» упоминается только в одном значении – в древнем значении «вода» (с уменьшительно-ласкательным суффиксом «к») – и совершенно не известно в значении «спиртной напиток». Такие данные, зафиксированные в исчерпывающем своде всех русских говоров, датируются серединой XIX в. (запись говоров в 1846–1853 гг.) и относятся к языку населения обширной

¹⁷ Даль, В. И. Толковый словарь живого русского языка. – Т. 1–4. – М.: Рус. яз., 1989–1991; Т. 1. – С. 428.

¹⁸ О водке в статье «Вино» читаем: «Вино хлебное, водка, горячее вино, зелено-вино, пегоняемое в кубе из заквашенного хлебного затора» (Даль, В. И. Толковый словарь живого русского языка. – Т. 1–4. – М.: Рус. яз., 1989–1991 [далее – Даль]. – Т. 1. – С. 205 [Даль, т. 1. – С. 205]). В статье «Напивать» также вскользь упомянута водка: «Крепкие, пьяные, хмельные напитки – вина, водки, меда, пива и пр.» (Даль, т. 2. – С. 449).

территории к востоку и северу от Москвы (Владимирская, Костромская, Ярославская, Вятская и Архангельская губернии). Это обстоятельство отчетливо указывает на то, что слово «водка» в нынешнем значении в середине XIX в. имело распространение лишь в Москве, Московской, Курской, Орловской, Тамбовской губерниях и на Слободской Украине (Харьковщина, Сумщина), принадлежавших к тогдашним так называемым «хлебным районам», где первоначально было развито винокурение, и одновременно областям максимального закрепощения и эксплуатации крестьянства барщиной.

Вернемся к Далю. Приводимые им пословицы и поговорки¹⁹, а также его собственные комментарии показывают отношение народа к хмельным напиткам, с одной стороны, как к неперемennomу элементу праздника, с другой – к пьянству как к антиобщественному явлению и болезни. *Вино на двое растворено: на веселье и на похмелье (на горе, добавляет Даль). Вино вино творит. Не винить вино – винить пьянство.* В статьях «Пить» и «Спивать» читаем: «ПИТЬ – напиваться, упиваться по привычке, страстно любить хмельные, пьяные напитки, пьянствовать. *Пить мертвую, мертвую чаю* – пьянствовать беспробудно, не помня себя. *Пить запоем* – болезненно, по временам, теряя на это время память и рассудок»; «СПИВАТЬ – пьянствовать безобразно, пристратиться к пьянству»²⁰.

Количество народных выражений, пословиц и поговорок, связанных с хмельными напитками, в «Словаре» Даля свидетельствует о глубоких наслоениях эпох и, в частности, показывает, что эти наслоения связаны в массе своей не с самыми крепкими напитками, а именно с пивом, медом, брагой. Самым крепким и древним из этих напитков является, как говорилось прежде, мед, только к меду у Даля примечание – «сказочн.»²¹.

Больше всего поговорок у народа связано с пивом и брагой

¹⁹ Сохраняемые в цитатах выделения (курсив), по Далю, – собственно слова, народные выражения, пословицы и поговорки; обычным шрифтом – собственное понимание Далем смысла слов, того или иного явления.

²⁰ Даль, т. 1. – С. 205; т. 3. – С. 115; т. 4. – С. 290.

²¹ «И я там был, мед и пиво пил, по усам текло, а в рот не попало! (сказочн.)». (Даль, т. 3. – С. 115.

(полпивом), причем пиво (*пивцо*) вызывает позитивные ассоциации, а брага (бражка) – негативные. При этом Похлёбкин уточняет, что пиво первоначально означало всякое питье, а вовсе не рассматривалось как алкогольный напиток определенного вида в современном понимании. В X–XI вв. так называли всякий напиток, в XII–XIII вв. – всякий алкогольный напиток: сикеру, квас, ол, твореное вино – все это было в целом твореное пиво, или искусственно созданные самим человеком алкогольные напитки.

Примечательно, что термин «брага» у В. В. Похлёбкина отсутствует. Происхождение этого слова многие этимологи считают неясным. Так, Фасмер (т. 1, с. 205) характеризует его как «жидкое пиво, полпиво из солода, молотых зерен»; Черных (т. 1, с. 106) – как «домашнее пиво»; Даль (т. 1, с. 108) пишет: «хлебный напиток, более похожий на квас». Трудности этимологов связаны с тем, что явно родственные слова распространены у кельтов (например, ирл. *braich* – «сусло, солод»), в восточнославянских и балтийских языках (например, лит. *brogan* – «гуща», латыш. *braga* – «барда») и у румын (*bragae*), а, например, с германскими словами типа английского *beer* (пиво), немецкого *Brei* (месиво) и т. п. связь не рассматривается по традиционно-хронологическим причинам. В первом русско-английском словаре Р. Джемса (РАС, 1618–1619) *brage* – *a kind of quasse made of oats*, то есть «род *кваса*, приготовленный из овса». Поэтому хмельной хлебный *квас* правильнее называть «брагой» (и, кстати, в Остромировом Евангелии именно квас сравнивается с *сикерой*, то есть финиковой *брагой*).

Праздник, веселье и душевный разговор у русского человека ассоциируются с пивом. Так, «*пивной праздник*, большой, один из тех, когда варят пиво миром ... престольный». Варят и индивидуально, особенно после сбора урожая: *В осень и у воробья пиво*. В праздник: *Пиво вари, да гостей зови. Приходи в гости ко мне: у шабра какое пиво! Глядя на пиво, хорошио и плясать. Сколькo пива, столькo песен* (или наоборот). *По гостям и пиво* (или: *и брага*). *Пива не станет – тошней всего. То не мудрено, что пиво сварено, а мудрено, что не выпито! Пью и квас; а где вижу пиво, не пройду мимо. Сказал бы слово, да уж выпито пивцо*. Когда пьется пиво, люди головы не теряют: *Доброе слово пива дороже. К пиву годится, а к слову молвится. Пиво пивом, дело делом, а шутка поди в*

чужую деревню! Пиво пьется свое (*корчажное*, домашнего варева), чужое чревато негативными последствиями: *За чужое пиво принимать похмелье*²².

Брага связывается не столько с праздниками, сколько с попойками, гульбой: (*«Бражничанье, бражничество – ср. бражня ж. – попойка, пиры, пированье, гульба»*). Любители бражничать (*«Бражник м., бражница ж. – охотник бражничать, пировать, гуляка, пьяница»*) – люди с болезненными пристрастиями, с бездельем, осуждаемым общественным мнением, выраженным в поговорках: *Для чашиников да бражников бывает много праздников. У праздника не без бражника. Где бражники, там и праздники. У (наших) бражников много праздников. Лучшие пряничать* (быть сластоежкой), *чем бражничать*²³.

Вино вину творит. Не винить вино – винить пьянство. Было бы вино, а пьяны будем. Питие крепких напитков, кроме меда, ведет к распрям и осуждается: *Напился, так и подрался. Пить до дна – не видать добра. Не горло пьет – карман*²⁴.

Хотя у Даля пиво может стоять в одном ряду с крепкими напитками, тяжелые последствия, о которых говорят пословицы и поговорки, относятся, скорее, к водке и вину, реже к меду. *В кабаке родился, в вине крестился. Не то обида, что вино дорого, а то обида, что целовальник богатеет.* Продавали водку в кабаках целовальники. Во главе государева кабака стоял кабацкий голова, а ему подчинялись целовальники, называемые так потому, что при вступлении в должность целовали крест. Отсюда идет название кабак «на вере», ибо кабацкие головы приносили присягу соблюдать государев интерес. Целовальники выбирались служилыми людьми из своей среды. Кабацкий голова, являвшийся в большинстве случаев и руководителем таможни, выбирался из среды посадского населения другого города. В особо важных по кабацким сборам городах (например, Архангельске и Холмогорах – города, где проходило интенсивное торговое движение, где была развита внутренняя торговля, в таких городах выпивалось всегда больше крепких напитков и держать кабаки было особенно выгодно) голова изби-

²² Даль, т. 3. – С. 116.

²³ Даль, т. 1. – С. 122.

²⁴ Даль, т. 1. – С. 218; т. 2. – С. 449; т. 3. – С. 115.

рался торгово-промышленным населением Москвы.

Пословицы и поговорки ясно свидетельствуют, что если пиво русский человек пил преимущественно в радости, то крепкие напитки – с горя. Читаем у Даля: *Без вина одно горе; с вином – старое одно, да новых два: и пьян, и бит. Хлеба нету, так пей вино. Терпи горе – пей мед. Отвага мед пьет и кандалы трет. Пьет пиво да мед и что его неймет! Мужик год не пьет, два не пьет, а бес прорвет – все пропьет. Пить горькую чашу – терпеть горе, несчастье, поясняет Даль. Пьют для храбрости: Напьюсь – никого не боюсь; проспуюсь – и тени боюсь*²⁵.

Следующий известный визитер – Джильс Флетчер²⁶ – видит Московию опять после смены двух демографических поколений (1588–1589 гг.). Но до того, как приводить его впечатления, коротко коснемся принципиальных изменений в стране, которые произошли за предыдущие 35 лет. К ним относится, прежде всего, тяжелая, политически безрезультатная Ливонская война (1558–1582), разгул опричнины (с 1565), непрерывные набеги крымского хана, ежегодно уводящего тысячи пленных – женщин и детей, захватившего и сжегшего в 1571 г. Москву, безумный аморальный разгром Иваном Грозным Великого Новгорода (1970).

Об опричнине как антикультурном явлении, когда произошло неизмеримое падение ценности жизни, чести и имущества, писали так много, что на этом нет нужды останавливаться. Но Ливонская война как важнейший этап эволюции ментальности русского общества до сих пор практически не рассматривалась. Исключение составляет единственное совместное исследование Э. С. Кульпина и К. Петкевича²⁷, в результате которого ученые пришли к выводу, что Ливонская война была начальной фазой, продолжавшейся с перерывами более столетия, первой гражданской войны русского народа за выбор пути развития²⁸. В ходе любой гражданской войны

²⁵ Даль, т. 1. – С. 218; т. 2. – С. 313; т. 3. – С. 115; т. 2. – С. 449.

²⁶ Флетчер, Д. О государстве русском // Россия XVI в. Воспоминания иностранцев / пер. с англ. и нем. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 14–151.

²⁷ Кульпин, Э. С., Петкевич, К. Восточная Европа между двумя смутами: феномен Великого княжества Литовского // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 80–94.

²⁸ Дальнейшие исследования К. Петкевича, связанные с данной проблемой, см. в: Петкевич, К. Украина на перепутье: Казацкое государство в XVII в. // История и современ-

в отличие от всех других войн происходит максимальная потеря экономических и культурных ценностей, падение морали. Наконец, в это время в природе разразился зревший с начала XVI в. экологический кризис, когда, согласно исследованию А. Каримова, на территории нынешней Московской области 95 % пашни было оставлено в перелог²⁹. Кризис вызвал резкое падение уровня и качества жизни, нищету, социальную и моральную деградацию, массовые миграции населения. Труд предков – нескольких поколений целинников – оказался напрасным. Люди, вынужденные покинуть свои нивы и дома, испытывали состояние стресса. Число средневековых бомжей – бобылей и бобылих – людей, лишенных работы, а потому семьи и крова, то есть ответственности за близких, за воспитание следующих поколений, за сохранение собственности, иначе говоря, лишенных важнейших сдержек аморального поведения, за полтора века (с начала XVI до середины XVII в.) в общей массе зависимого населения увеличилось с нуля до 25 %, а местами достигло 40–50 % населения.

Истоки социально-экологического кризиса Флетчер видеть не мог, но социально-экономические следствия ему были очевидны. Прежде всего, он отмечает резкое (в три раза) снижение экономического потенциала и торговли страны, обремененность населения большими налогами, униженное состояние низших слоев общества и крайнюю бедность народа. Он, в частности, пишет: «Вам случается видеть многие деревни и города, в полмили или в целую милю длины совершенно пустые, народ весь разбежался по другим местам от дурного с ним обращения и насилия». В отличие от жестко поддерживаемого порядка на улицах Москвы, зафиксированного 70–80 лет тому назад Герберштейном, Флетчер констатирует для Москвы и других городов полный беспредел на улицах: «здесь бы-

ность. – 2005. – № 2. – С. 35–63; Петкевич, К. Великое княжество Литовское // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сб. ст. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 304–334.

²⁹ Каримов, А. Э. Роль Москвы в формировании культуры природопользования в центральной России (XVI – начало XX вв.) // История изучения использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. – М.: Янус-К., 1997. – С. 60, рис. 1.

В перелог – на самовосстановление, которое в северной части Восточной Европы растягивается на 150–200 лет, оставлялась совершенно истощенная земля, лишенная естественного плодородия. Хотя в ближайших к Москве землях, например в Тверском княжестве, ситуация, как показано А. Э. Каримовым, была не столь катастрофична, кризис в Московском государстве был повсеместным.

вает множество грабежей и убийств». Флетчер писал также о нежелании народа работать, что не отмечали его предшественники, однако он еще не видел повального и безудержного пьянства, что заставляет предполагать, что такового в его время еще не было³⁰.

От времени отъезда Флетчера из Московии до приезда Витсена (1664–1665 гг.) в Российское государство проходит 76 лет, или смена четырех демографических поколений. На половину этой эпохи приходится эпицентр социального и экологического кризиса – русская Смута, затем затяжная война с Речью Посполитой – продолжение Ливонской войны и Смуты. Именно после Смуты и войны с Польшей Витсен фиксирует непрерывное пьянство дворянства, а в праздники – поголовное пьянство народа³¹.

* * *

Итак, ответ на поставленные в статье вопросы, по итогам нашего рассмотрения, может быть таким. Трагическое совпадение по времени начала социально-экологического кризиса с изобретением водки повлияло на распространение алкоголизма в России. Пьянство как массовое социальное и культурное, точнее антикультурное, явление не всегда было характерным для русского народа. Более того, истоки и эволюция пьянства находятся в тесной связи и темпоральной корреляции с эволюцией социально-экологического кризиса XVI–XVII вв., который по своей тяжести практически не имеет прецедентов в мировой истории. С высокой степенью уверенности можно предположить, что пьянство, захватившее все слои населения, было, скорее всего, способом ухода не просто от тягот, но ужасов реальной жизни.

³⁰ Флетчер, Д. Указ. соч. – С. 21–23, 66–67, 149, 150, 68.

³¹ Витсен, Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. – СПб.: Симпозиум, 1996. – С. 61, 66, 75, 78.